

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Н О В Е Л Л Ы

Война

Недавно, два года назад у нас бушевала война. 44 дня и 44 ночи на фронте шла активная фаза войны. Война между армянами и азербайджанцами. Война бывает разной: скрытой, когда воюют официальные медиа, соцсети и дипломаты. Во времена скрытой войны ненависть выплёскивается дозированными порциями, особенно у официальных лиц, чтобы противная сторона выглядела не просто виновной во всех грехах, но и, распалившись от обидных обвинений, начала совершать грубые ошибки, оскорблять, применять нецензурный, клоачный язык, приводить абсурдные доводы. Тогда появляется повод для тех, кто спровоцировал такое поведение противника, заявить: «Посмотрите, с какими отбросами мы воюем. Разве можно принимать на веру их аргументы?!» Обе стороны периодически попадают в эту ловушку. Но каковы бы ни были словесные баталии и хитроумные интриги дипломатов, их не сравнить с войной открытой, пылающей войной. Падающие бомбы, убитые люди, разруха, горе, смерть. В любой войне, при всем хитроумии экспертов, пытающихся объяснить причины страшной случившейся реальности, иногда восходя в своем поиске «реальных, скрытых причин» к истокам человеческой цивилизации, – есть агрессор и жертва агрессии.

Азербайджанцы находились в состоянии жертвы агрессии почти 30 лет. Да, все так и было. А потом, потом началась Вторая Карабахская война.

Садагет поднялась засветло. Ее задача – подмести обочины дороги до того, как по ним понесутся на большой скорости автомобили. Машины все равно пронеслись мимо, но их было все же меньше, чем в светлое время суток. Она надела жилет, покрытый светоотражающей оранжевой краской. В левой части головы, над лбом пульсировала боль, не покидавшая ее несколько дней, с того вечера, когда она не смогла дозвониться до сына, единственного любимого сына. Он ушел на войну, как многие его сверстники. Вытащила главное оружие труда – большую разлохмаченную метлу, выпила стакан воды и заспешила на большую дорогу.

В тот день машин было немного, словно кто-то позаботился о том, чтобы у нее достало сил на тяжёлое испытание. Она быстро закончила работу. Собрала мусор, скопившийся на обочине дороги. Многочисленные полиэтиленовые кульки собрала отдельно, чтобы потом выбросить в специальный мусорный бак. Не так давно всех уборщиц их района собрали и провели беседу о том, как надо заботиться о планете, не замусоривать ее, рассказали про новые способы уборки и сортировки мусора. Она подняла руку и попросила новую метлу, на что женщине ответили, что сейчас речь идёт о другом. Пока мужчина в костюме и галстук рассказывал о новых веяниях в уборке территории, женщина думала о своем. Как могла она допустить, чтобы ее единственного сына забрали на войну?! Его! Надежду, опору, свет ее очей.

Муж умер, когда ее сыночку исполнился год. Родные помогали, в основном, советами. «Выходи замуж. Молодая, красивая. По соседству с нами вдовец живёт. Крепкий ещё. Даже не лысый и зубы свои. Пятьдесят лет. И к тому же небедный. Подумаешь, каких-то 25 лет разницы. Зато заживешь! И о сыночке твоём он позаботится. Ну, давай, соглашайся. Он давно на тебя глаз положил».

Женщина долго раздумывала над этим советом. Конечно, родственник не на пустом месте ей такое предложил. Наверное, мужчина сам к нему обратился. Дома, прижав к себе грудничка, долго пела ему колыбельную, рассказывая на свой манер о будущей жизни. Заснула вместе с маленьким. А во сне пришел муж, обнял, поцеловал обоих, грустно на них посмотрел. И покачал головой, словно хотел о чем-то предупредить. Нет, нет и нет. Вот так он качал головой из стороны в сторону. Утром, проснувшись, она точно знала, что больше не выйдет замуж. Не захочет, чтобы ее сына воспитывал отчим. Она все сделает сама. Сколько она работала на самых трудных и грязных работах, сколько перетерпела горя, пока ее сын, умница, красавец, подросток!

Она не успела порадоваться на своего сына, насладиться общением со взрослым разумным юношей, любящим и уважающим мать. Началась война. Единственного сына у матери никто не имел права отбирать. Никакие законы, ни божеские, ни людские не позволяли подобной несправедливости. Нет, он мог остаться дома. Но он записался добровольцем. Долго настаивал на своем. В самый последний момент, когда ему пришла повестка, решился сказать матери о том, что уходит на войну. «Понимаешь, мама, я не смогу смотреть в лицо своим ровесникам, прошедшим войну. Все время буду помнить о том, что струсил». Как могла остановить его Садагет? Кричать, плакать, биться в истерике, привести сотни примеров тех, кто не пошел на войну, и ничего, живут, угрызения совести их особо не терзают.

«На следующем собрании мы поговорим о том, какой инвентарь и какая новая форма полагаются работникам, убирающим территорию».

Садагет очнулась и заспешила домой. Когда она зашла во двор, в своем поселке Забрат, где проживали многие беженцы-азербайджанцы, «еразы», как их презрительно называли местные, то удивилась чрезмерному вниманию соседей. К ней подошел пожилой мужчина и непривычно тихо, глядя ей в глаза, сказал: «Приходил начальник и велел, чтобы двор подмели. Все должно быть чисто и прибрано. Привезут шехида, погиб в боях. Он из этих мест. Власть устраивает торжественные похороны. Сама понимаешь, сюда придут важные люди. Торжественные похороны. Моллу тоже пригласят».

Садагет села прямо на землю. Ей отказали ноги. Попыталась что-то ответить мужчине. Не смогла. Горло сжало удавкой, голос пропал. Мужчина посмотрел на нее: «Убили твоего сына? Ты так думаешь? Почему обязательно твоего? А может, и не его».

Во двор вышла пожилая женщина, наблюдавшая за происходящим из окна. Взяла Садагет за руку, повела в свой дом. Усадила за стол, налила чаю и положила в розетку свежесваренное клубничное варенье. Погладила Садагет по руке.

«У меня два внука, сама знаешь. Когда началась война, я сказала дочери, что если мальчики пойдут на войну и с ними что-нибудь случится, я лягу в могилу вместе с ними. Вот, посмотри. Видишь люк, здесь вход в подвал. Там у нас погреб. Я предупредила дочь, что если за ними придут, я спрячу их в подвал, и их никто не найдет. Почему ты позволила своему сыну пойти на войну? Скажи. Почему? Он у тебя один, все знают. И сколько ты работала, чтобы вырастить его! Тоже все видели. Может, не он...»

Садагет поднялась, сдерживая слезы, вышла во двор. Взяла метлу, стала ожесточенно подметать, так, чтобы ни одной пылинки, ни одной сигареты, банки из-под пива не осталось в углах. Закончив работу, пошла к себе, прилегла.

Только задремала, послышались шум, топот ног. Она открыла глаза с трудом, мысленно прося Аллаха наградить ее непробудным смертельным сном. Наверху решили иначе. Ей полагалось пройти всю дорогу на Голгофу со своей непосильной ношей. Она повязала косынку, надвинув ее на глаза. Вышла во двор, и оказалось, что все соседи пристально смотрят на нее.

Когда-то по телевизору она смотрела передачу о корриде. На круглой арене щегольски одетый мужчина ждал, когда выйдет его соперник, страшный бык. Смертельная схватка ожидает двоих. Один из них покинет арену мертвым. Либо смертельно раненным. Женщина не могла отвести глаз от экрана, так же, как и тысячи собравшихся зрителей, криками выказывавшими свое одобрение мужчине. Кто знает, а может, кто-то болел за быка? Сочувствовали животному, невольно ставшему участником схватки. Тот поединок закончился смертью быка. Тореадор, перекинув через руку красный плащ, гордо прошелся по арене под оглушительные аплодисменты зрителей.

Садагет почувствовала себя тем самым быком, черным, несчастным, загнанным быком. К ней подошла соседка, поившая ее чаем час назад.

– Идем, дорогая, присядь. Видишь, шехида, нашу гордость, принесли. Сейчас глава речь скажет, чтобы все знали и никогда не забывали, какие герои живут в нашем Забрате. Сама знаешь, некоторые нос воротят от нашего поселка. «Вонючий Забрат», так они называют наш дом. Allah vursun onları! А у нас вон какие герои выросли. Вижу, хочешь спросить, кто шехид? Ай-ай-ай! Несите воды скорее! Ürəyi getdi! Tutun onu! Asta-asta, başını galdirin, yerə dəyməsin. Skoriy çağırın, tez!

В последний путь проводили двоих. Шехида, молодого парня, отправившегося на войну добровольцем, и его мать, чей крик о милосердии услышал Всевышний.

Свидание с Президентом

Кортеж автомобилей проследовал на большой скорости по пустынной дороге, заботливо очищенной от простых смертных. Президент ехал на запланированную еще в начале года встречу с работниками самого большого нефтеперерабатывающего завода, гордости нефтяной промышленности. Встреча должна была состояться месяц назад, но важные, а иногда наиважнейшие дела все время срывали назначенные сроки. Уже в разгар весны, когда показались первые нежные листочки на деревьях, президент сам настоял на том, чтобы свидание с рабочими все-таки состоялось. Ответственные за это мероприятие лица подготовились, как всегда, очень тщательно. Были обговорены все кандидатуры, которые должны были стоять в первом ряду, затем во втором и так далее. Но как бывает в подобном случае, учесть всё не получалось. Какой-нибудь маленький штрих, неведомо откуда взявшийся прохожий, сумевший пробиться вперед, могли, как и следовало того ожидать всякому здравомыслящему человеку, испортить настроение президенту, а заодно всем лицам, отвечающим за данное событие.

Участкового Рамазана-даи предупредили о предстоящем визите за две недели до установленной даты. Он добросовестно обошел всех аксакалов и самолично, пожав каждому руку и поговорив с четверть часа на вечные темы о скоротечности бытия и дороговизне жизни, попросил их быть бдительными и не уронить чести района. Аксакалы, польщенные вниманием, рьяно взялись за дело, и уже через неделю вся округа только и говорила, что о предстоящей встрече, и все, от мала до велика, обсуждали открывающиеся для них широкие возможности.

Задолго до назначенного часа все было готово к встрече. Завод блистал чистотой. Рабочие переминались с ноги на ногу в ожидании грандиозного события. Когда на дороге, ведущей к заводу, показался кортеж президента, несколько пожилых женщин, смиренно стоявших в отдалении, стали энергично пробиваться сквозь строй рабочих и вскоре оказались в первом ряду.

Участковый Рамазан стоял немного поодаль, чтобы иметь возможность внимательно наблюдать за происходящим. Проработав на своем посту около десяти лет, он был почти уверен в том, что ничего сверхъестественного у него на участке, а тем более в присутствии президента, произойти не может. Однако строгий наказ начальника еще звучал у него в ушах. «Если только, не дай Бог, один волос упадет с головы президента, тебе, дорогой Рамазан, не сносить головы».

Легко выйдя из бронированного авто, президент в окружении высоких бравых телохранителей медленно продвигался по дорожке, ведущей к заводу. Откуда-то неожиданно выскакивали люди, страстно шептали ему на ухо, совали в руки записочки. Телохранители старались заслонить президента от слишком назойливых просителей. Он приблизился к кучке пожилых женщин в черном. По особому вниманию, с которым он их выслушивал, было понятно, что всех объединяет одна беда, одна боль – Карабах. Кого-то он погладил по плечу, кто-то в порыве экстаза целовал ему руки.

На заводе президент ненадолго отлучился и прошел в туалетную комнату. Один из его самых приближенных телохранителей подозвал Рамазана и приказал немедленно установить личности всех людей, стоявших у дверей завода и так или иначе имевших возможность подойти к президенту. На немой вопрос, читавшийся в глазах Рамазана, охранник заметил: «Сначала займись своими обязанностями, а потом, если нужно будет, тебе объяснят, в чем дело». Рамазан отошел, в душе негодуя на слишком ретивого телохранителя. «Кого спрашивать? Зачем? Что могло случиться? Почему такая паника?» Между тем визит президента был сокращен до минимума. Вместо предполагавшихся двух часов он пробыл на заводе час. Все присутствующие обратили внимание на то, что, когда президент вышел из туалетной комнаты, на тыльной стороне правой руки у него был приклеен кусок пластыря. Тотчас же по заводу прошел слух, что президент поранил руку. Разговор о насущных проблемах завода оказался скомканным. По бледному лицу и порывистым движениям было заметно, что президент думает лишь о том, как удержаться в рамках приличий и выстоять этот час. Уезжал кортеж с президентом совсем в другом настроении. Отменили все прощальные рукопожатия, и, слабо помахав рукой, президент исчез за слепыми стеклами своего «Зила».

Через два часа после визита участкового милиционера вызвали в райотдел, перед зданием которого непривычно было видеть такое количество дорогих иномарок. В отделе, куда пригласили Рамазана, все разъяснилось. Начальник отдела, тучный мужчина, говоривший с одышкой и все время вытиравший красный лоб, сразу же накинул на него:

– Тебя же предупреждали, дорогой, – насмешливо сказал он, – гляди в оба, а то вылетишь со своего места в два счета. Вот, полюбуйся, – он протянул Рамазану фото. На фотографии – рука, точнее тыльная сторона кисти сухощавой руки с длинными пальцами и с ярким ядовито-красным пятном в виде сердца, каким его рисуют на открытках. Рамазан от удивления открыл рот, пытаясь выяснить для себя, чья это рука, и причем здесь он, Рамазан. – Я всегда знал, что у нас участковые хорошо умеют только страшить юнцов и брать взятки. На остальное у них не хватает воображения. Но ведь тебя предупреждали, дорогой, – с издевкой повторил он. – Не смотри, как баран на новые ворота. Это рука президента. А это пятно ему оставил кто-то из твоих бабусь. Вопрос: кто? Кто из них мог так смачно поцеловать ему руку? Пятно не сходит. Понимаешь ты, болван? Обыкновенная помада сошла бы сразу. Над этой дрянью бьются уже час, и ничего её не берет. Въехал, наконец? Теперь иди, переверни всё вверх дном, но найди мне эту темпераментную бабулю, ты понял? Может, она отравить его хотела? Кто их знает, старых ведьм? Я знаю, тебе до пенсии осталось всего ничего. Если не хочешь никаких осложнений, делай то, что тебе приказали. На вот, возьми, здесь кассета, на ней все записано с самого начала. Посмотри внимательно, а вдруг кого-нибудь узнаешь, и спроси у своих. Есть у тебя, наверное,

осведомители, как без них! И не думай, что ты один занимаешься таким серьезным вопросом. Так что без самодеятельности, о каждом своем шаге докладывай! Ты понял?!

Рамазан промышал что-то невразумительное и вышел. Приехав к себе, он некоторое время сидел без движения, сетуя на свою несчастную судьбу. Надо же так опозориться. Именно у него на участке, где всегда тишь да гладь, вдруг такое случилось. И не с кем попало, а с президентом. Если бы такое произошло с кем-нибудь из его друзей-товарищей, Рамазан посмеялся бы, и дело с концом. А здесь... Только и оставалось надеяться на Бога. Рамазан включил старенький видик, два раза стукнул по нему, прежде чем тот заработал, и стал безнадежно смотреть на экран. Замелькали кадры: вот подъехали машины, президент легко выходит из салона. А вот строй бабушек, как их определил начальник из райотдела. Одна кинулась ему на шею, а потом к руке. Вторая, вроде поскромнее, дожидается, когда и до нее дойдет очередь. Наконец, подошла и приложилась к руке президента. Крупный план, она подняла голову, слезы из глаз, помада на губах. Далее следующая дама пытается вручить президенту записку, тот махнул рукой в сторону охраны, и Рамазан зорко заметил отметину на руке. Нашел. Вторая бабушка и поставила метку. Участковый прокручивает ленту назад и останавливает интересующий его кадр. Она! Рамазан узнал её. Прошло тридцать лет с тех пор, а он все же узнал её. Кюбра, та самая раненая газель, как когда-то он называл её. Оттого, что Рамазан знал теперь наверняка, кто поставил злосчастное пятно на руку президента, ему стало еще тяжелее. Он не видел и ничего не знал об этой женщине целую вечность, но при мысли, что ему придется каким-то образом предать её, Рамазану стало совсем худо. Не мог он этого сделать. Он лег на постель повернулся к стене и вновь задал своему бессловесному и бестелесному собеседнику все тот же вопрос: «За что меня наказывает провидение? Что такого я сделал в жизни, что мне приходится так горько? Почему женщину, которую я любил когда-то, нужно наказывать?» Он пролежал неподвижно еще час, потом заснул, когда проснулся, у него было готово решение. «И пальцем не пошевелю. Пусть со мной делают, что хотят, хоть режут на куски. Кюбру я не обижу». Не обошлось, правда, без мыслишки, что они и без него найдут женщину. А защитить её он все равно не в силах. «Не буду я ей делать гадости, хватит с меня мерзостей».

Промаявшись целый вечер дома, в ожидании последствий своего героического поступка, он включил телевизор, чтобы посмотреть новости. Знакомая дикторша, как всегда, нечленораздельно бубнила себе под нос; показали кадры с президентом на заводе. Еще раз Рамазан внимательно посмотрел на Кюбру. «Да, постарела, но осталась такой же милой. Только вот дурацкая помада. К чему она ей?» Следующий кадр: важная встреча президента с главой соседнего государства. Рамазан с нетерпением смотрел на экран. Сейчас покажут, как президент будет пожимать руку соседу. Когда мелькнул кадр с пожатием рук, Рамазану показалось, что к нему вернулось орлиное зрение его молодости. Правая рука президента была безупречна. Напряжение, в котором пребывал Рамазан в течение всего этого дня, спало. Все прояснилось. Президент жив, здоров, и Кюбра в безопасности. Уже засыпая, он решил завтра же наведаться к Кюбре.

Цыганская почта работала исправно. и пожилая женщина, несколько лет тщетно пытавшаяся пробиться к президенту только для того, чтобы посмотреть ему в глаза и сказать «Спасибо», наконец, возможно, сможет осуществить свое давнее желание. Кюбра ханым не хотела ничего пускать на самотек. К встрече, а тем более такой важной, может, самой главной в ее жизни, необходимо тщательно подготовиться. Как всякой женщине, ей хотелось выглядеть чудесно. Вернуть вспять годы невозможно, да и не нужно, зачем преодолевать вновь пройденную, всю в рытвинах, дорогу. За каждую морщинку она заплатила очень дорого. Её единственной и

самой большой радостью и горем был племянник, которого она растила одна после смерти сестры, отказывая себе во всем. Красивая видная Кюбра ханым носила одни и те же вещи из года в год. У нее было четыре перемены нарядов по числу времен года. На ухаживания мужчин она не обращала никакого внимания, полагая, что чужой человек в семье все равно будет не по сердцу ее дорогому Лятифу. Незаметно пролетели молодость, зрелость. Лятиф превратился в стройного мужественного парня. А потом случилось то, что не должно было случиться, никак не могло случиться, если предположить, что в мире есть хоть какие-то законы справедливости и гармонии. Ее ненаглядного мальчика убили на Карабахской войне. Все, чем она жила столько лет, все её чаяния, мечты, все, что поддерживало её в самые тяжелые минуты, рухнуло. Не осталось стержня, на котором держалась её судьба. Кюбра ханым долго пребывала в оцепенении. Она сгорбилась, стала совершенно белой, прежде легкая походка превратилась в тяжелую поступь пожилой женщины. Нетронутыми остались глаза. Глаза у Кюбры не стали мутными и красными от слез, а остались живыми чистыми прекрасными глазами раненой газели. Вся её непрожитая нерастроченная женственность сохранилась в глазах.

Через два года неожиданно для Кюбры пришла весть о том, что её мальчику посмертно присвоили звание Героя. Кюбра не то, чтобы воспрянула, нет, она успокоилась, как если бы уверилась в том, что неприкаянные души её племянника и сестры обрели покой. С тех пор Кюбра искала возможности встретиться с президентом.

После небольшой консультации с опытными женщинами относительно одежды и макияжа Кюбра ханым решила, что красить волосы она не станет. К чему яркий, ненатуральный цвет волос в соседстве с увядшим лицом. Единственная уступка её старой подруге, когда-то давно работавшей косметологом в престижном салоне, – губная помада. Кюбра согласилась подкрасить губы только для того, чтобы президент заметил её. Совсем недавно по телевизору она смотрела фильм о жизни президента, и ей запомнилось то, как говорил он о своей рано умершей жене. Одна удивительная, как ей показалось тогда, фраза запала ей в душу. Рассказывая о своей последней встрече с женой в больнице, президент заметил, что она чуть подкрасила губы, чтобы не пугать его своей бледностью и, быть может, напомнить ему о своей любви.

Подруга Кюбры постаралась, помаду изготовила сама, по собственному рецепту и обещала Кюбре, что держаться на губах она будет очень долго.

Вернувшись домой после такой важной для нее встречи, Кюбра почувствовала, что все, что ей полагалось выполнить, она уже совершила и может уходить, не оставив за собой ни одного долга. Она их выплатила все, сполна. Она заснула, свернувшись калачиком, чтобы хоть немного согреться, и тихо, легко, ушла. В первый раз Кюбре удалось сделать что-то легко, без усилий и страданий.

Когда утром участковый Рамазан постучал в дверь одинокой пожилой женщины, которую редко кто навещал, ему никто не открыл. Обратившись к соседке, он получил ответ, что Кюбра ханым вчера была на встрече с президентом, вернулась очень возбужденная и поэтому, наверное, отдыхает. Рамазан не хотел уходить, не повидавшись с Кюброй. Кто знает, может, это будет их последняя встреча. Надавив плечом на хлипкую дверь, он без особого труда открыл её. Скользнул глазами по убогой обстановке и увидел на туалетном столике в коридоре раскрытую баночку с ярко-красной кричащего цвета помадой. Пройдя в комнату, Рамазан застыл в предчувствии непоправимого. На высокой подушке, разметав белые пряди волос, недвижно покоилась Кюбра, четким профилем напомнив ему прежнюю неприступную красавицу...